

Встречи по вашей просьбе

И ЛЮБОВЬ, И БОЛЬ, И СМЕРТНЫЙ БОЙ...

...Один день расколол жизнь надвое.

Блестящее окончание консерватории, шумный успех первых сочинений, первых выступлений на концертной эстраде — все осталось там, в мирном времени. Впереди была большая, долгая, тяжелая война.

Впрочем, говорить о прошлом, о пережитом, особенно о военном времени, с Тихоном Николаевичем Хренниковым довольно трудно. Отвечает неохотно, односложно, повторяя: «Жили, как все, работали. Много, конечно, работали... Но ведь иначе нельзя было».

Дело здесь даже не в присущей ему скромности. Тихон Николаевич действительно искренне считает, что ничего необычайного не делал: жил и работал, как все. Была война, и по-своему в ней участвовал каждый — на фронте ли, в тылу...

— Война... — медленно, будто взвешивая это безмерно тяжелое слово, произносит он. — Сколько их по нашей земле прокатилось... Мне в сорок первом исполнилось двадцать восемь, а это уже третья война была на моей жизни. Ну, в первую мировую я совсем маленьким был. И тем не менее в пять лет испытал первое в жизни серьезное потрясение: в боях с кайзеровскими солдатами погиб один из моих старших братьев, Глеб, самый талантливейший в семье. Он учился в Московском университете и в консерватории, прекрасно пел — у него был красивый тенор.

В девятнадцатом к Ельцу, где мы жили, подступили банды Мамонтова. Туго бы пришлось нашей семье — весь город знал, что двое молодых Хренниковых служат в Красной Армии. В окно я видел, как вел в бой свой отряд красный командир Николай, еще один мой брат.

А когда елечки красноармейцы отбивали натиск денкинец, тут уж и я не выдержал. Вместе с дружкой своим Венькой сбежал из дому. Наши бойцы занимали оборону по обрыву над рекой Сосной. До самого конца боя таскали мы в цепь патроны, воду для пулеметов. На всю жизнь запомнились красноармейцы, их мужество, их убежденность в правоте того дела, за которое они шли на смерть.

Пройдут годы, и эти впечатления детства оживут в первых крупных сочинениях Хренникова: в ревущем круговороте финала Первой симфонии, в неистовом жизнеутверждении Первого фортепианного концерта, в романтическом подъеме оперы «В бурю», созданной по сюжету романа Н. Вирты «Одиночество». Все, о чем говорится в ней — бесчинства белобандитов, слезы матерей по ушедшим в бой сыновьям, жестокость незримых границ, порой проходивших через семьи, удивительная мудрость простых труженников, сердцем находивших дорогу к правде, — разве это не было увидено самим композитором в детские годы? Не потому ли так естественно облеклось пережитое в искренние, звучные, словно сама народная песня, мелодии?

— На мысль об опере меня толкнул Владимир Иванович Немирович-Данченко, — вспоминает композитор. — Он же и сюжет подсказал.

Образы революционного народа были непривычными для оперной сцены тех лет. И мы вместе с актерами упорно искали новые формы сценического воплощения событий и судеб наших героев. И если условен язык оперы, то ведь не условны чувства и мысли слушателей, вызываемые ею. Создавая оперу о борьбе партии и народа за полную победу революции, мы обращались именно к живым сердцам наших зрителей. И нашли в них горячий отклик.

Но вот на страну надвинулась новая буря.

Тогда, в мальчишеские годы, все было просто: сбежали с Венькой на позиции. И теперь — первая реакция: туда, на фронт. Многие музыканты ушли в бой в первые же дни. Но ему дали понять четко и ясно: и в тылу есть дела, дела важные и ответственные, требующие, как и на фронте, полного накала всех физических и духовных сил.

В Москве шла неустанный работа для фронта. И не только на фабриках и заводах, в госпиталях и военкоматах. Шли репетиции фронтовых бригад и театров ВТО. В Колонном зале Дома союзов не смолкала музыка: Большой симфонический оркестр Всесоюзного радио посылал в эфир живое звучание гениальных творений русской классики, сочинений советских композиторов. Здесь в январе сорок третьего под управлением Н. Голованова прозвучала Вторая симфония Хренникова.

Первая часть была написана еще до войны, — рассказывает Тихон Николаевич. —

Но в ней уже отразилась атмосфера предгрозы, которая тогда ощущалась всеми. Оставив на время работу над симфонией, я тем не менее внутренне постоянно тянулся к ней. Вот вторая часть — ведь это о том, что было испытано нами в сорок первом. А в финале мне хотелось выразить уверенность в победе, что жила в нас и в самые тяжелые периоды войны. Мне хотелось показать, что оптимизм и вера, сила и вечная молодость неиссякаемы в народе. Можно разрушить то, что создано, но нельзя уничтожить силы создающие.

В день премьеры я был в Колонном зале и, конечно, очень волновался. Я понимал, что людям, пришедшим сюда после тяжелой работы, приехавшим ненадолго с фронта, надо было услышать что-то такое, что хоть в какой-то мере отвечало бы тому напористому их жизни великому и значительному, ради чего они вели борьбу, не жалея сил и самой жизни.

Центральный дом композиторов был в ту пору своеобразным песенным штабом страны. Здесь каждый день прослушивались новые сочинения — и тут же разлетались по стране и войскам: с фронтовыми бригадами, с посланцами из армейских и флотских ансамблей, в концертах, транслировавшихся по радио. В те годы зазвучали и новые песни Тихона Хренникова: «Прощание» и «Все за Родину», «Уральцы бьются здорово» и «Есть на Севере хороший городок», сразу же подхваченные в армии.

Но самый большой успех выпал на долю его музыки к кинофильму «В шесть часов вечера после войны» и спектаклю Центрального театра Красной Армии, где Тихон Николаевич работал заведующим музыкальной частью, «Давным-давно».

— Тихон Николаевич, сейчас даже трудно представить себе нашу музыку без этих мелодий: мягкой «Колыбельной Светланы», удачных куплетов Ржевского... Но когда шли бои, лилась кровь и чуть не в каждый дом приходили «похоронки», не слишком ли весело и не слишком ли о далеких временах заговорили вы вместе с Александром Гладковым?

— Представьте себе, нет. Веселье, смех были нужны не меньше, чем краткая суровость сводок Совинформбюро. Жизнь сложна и многогранна. Шутка, озорная частушка — они рождаются и живут в самых, казалось бы, невероятных условиях. Это живое, сиюминутное выражение оптимизма, уверенности в своих силах. Мне кажется, чем больше испытывает человека жестокость, тем больше нуждается он в сердечном слове, светлой лирике, веселой, жизнеутверждающей и остроумной песне. Экспрессионизм с его смакованием ужасов — это лживая односторонность. Оптимизм, юмор — более естественные движения человеческой души. Великая правда и истинный гуманизм искусства как раз и заключаются в том, что все многообразие жизни, человеческих переживаний для художника становится поводом, чтобы выразить его веру в людей, надежду на победу правого дела, устремление к высоким идеалам, к лучшему будущему.

Патриотический порыв отважной героини нашего спектакля, его высокая, светлая романтика и оказалась созвучными тому драматическому времени.

День Победы Тихон Хренников встречал в Берлине.

— Еще в первых числах марта сорок пятого года мы с Матвеем Блантером выехали в войска. В маленькой деревушке у самой границы Польши и Германии нас принял Василий Иванович Чуйков. Василий Иванович и члены военного совета армии пригласили отобедать с дороги. А потом зашел долгий, очень интересный разговор. О чем говорили? О том, о чем тогда говорили все, — о скорой победе! Потом Чуйков хитро улыбнулся:

— А что это все мы да мы рассказываем? Не пора ли и вам высказаться, дорогие гости? — и повел нас к неведомо откуда взявшемуся здесь пивнине. Мы с Блантером долго играли и пели свои песни.

— Не понимаю, кто это говорит, что композиторы петь не умеют! — шутило возмущался Чуйков. — Кто же может почувствовать и преподнести песню лучше, чем сам автор? — И добавил уже с некоторой долей торжественности: — Вручаю вам боевую путевку в войска. Поезжайте по частям армии и сами исполняйте ваши песни. Благодарность и внимание слушателей вам обеспечены!

За два с половиной месяца Хренников и Блантер дали более пятидесяти авторских концертов в полках, батареях, дивизионах, в госпиталях. Запомнилось выступление в

артиллерийском полку, который первым открыл огонь по вражеской столице. Музыканты стали свидетелями волнующего момента, когда раздалась долгожданная команда: «По Берлину — огонь!»

— И повсюду слышали мы просьбы о том, чтобы писали больше мягких, задушевных, лирических песен. Чужая земля... А в памяти — родной дом, лица любимых... И войны ждали от нас правдивого и поэтического рассказа о том, что не всем им — они понимали суровую реальность происходящего — суждено увидеть...

— Тихон Николаевич! Творчество — явление особое, в какой-то мере даже таинственное. Казалось бы, оно не подвержено требованиям именно нынешнего дня. Но это не так. По велению сердца, художнической совести рождаются сочинения, одновременно и нужные, и прекрасные. Откуда же все это берется?

— Из жизни! Настоящий художник живет тем же, чем живет вскормивший, воспитавший его народ. И только сама жизнь в ее контрастах, в бесконечном богатстве впечатлений может подсказать подлинный конфликт, наполнить сочинение глубоким драматизмом, родить в душе высокие мысли и чувства. Разве бывает любовь без боли, близость без разлук, счастье без печали?

— Как в вашей «Песне о песне»:
И любовь, и боль, и
смертный бой —
Песня все пережила
с тобой?..

Однако песня всегда рождалась непосредственно в гуще событий. А крупные сценические формы?

— С этим сложнее. Великое событие — всегда импульс к творчеству. Но художественное осмысление требует времени, определенной отстраненности, что ли... Не случайно у великих композиторов прошлого вы не найдете опер или балетов о современных им героических событиях. Непосредственно рядом с подвигом рождались кантаты, оратории, даже симфонии. Но опера...

Современник на оперной, балетной сцене — это уже завоевание советской эпохи. Поставленная в Большом театре в сорок третьем году опера Кабалевского «В огне» и законченная в сорок восьмом «Повесть о настоящем человеке» Прокофьева были первыми ласточками освоения темы Великой Отечественной в оперном жанре. А вот сегодня мы знаем уже и «Брестскую крепость» и «Зори здесь тихие» Молчанова, и «Молодую гвардию» Мейтуса, и «Москва за нами» Жубановой, и балет Сагатов «Алия»...

Создание произведений о нашей нынешней жизни, самых недавних страницах истории страны — важнейшая задача советских композиторов. Кто, как не мы, сможем запечатлеть приметы нашего удивительного времени, подметит и в звуках музыки передаст потопкам черты характера человека нынешнего дня?

— Тихон Николаевич, если не секрет, вы сами что-то готовите на современную тему?

— Да. Именно сейчас ищу интересный сюжет для оперы о наших днях. Еще не знаю, какой она будет, скажу только, что это будет серьезный разговор с нашими современниками о том, как мы живем, как мы строим, как боремся за счастье родной страны.

— Что же, Тихон Николаевич, будем ждать. Желаем вам успеха. И, конечно, вместе со всеми читателями «Красной звезды» сердечно поздравляем вас с семидесятилетием.

Э. ЗАБАВСКИХ.

□ □
Когда верстался этот номер, пришло сообщение о том, что Указом Президиума Верховного Совета СССР первый секретарь правления Союза композиторов СССР Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий народный артист СССР Тихон Николаевич Хренников за большие заслуги в развитии советского музыкального искусства и в связи с семидесятилетием со дня рождения награжден орденом Ленина.